

УДК 101+130.31/124.4

DOI: 10.18384/2310-7227-2015-4-65-73

Хрисанов В.А., Долин В.А.*Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина***ОБРАЗЫ СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ**

Аннотация. В статье на основе сопоставления платонизма и аристотелизма в понимании человека рассматриваются три образа совершенного человека: христианский, трансгуманистический и биоконсервативный. Для каждого образа выделяются фундирующие представления о природе человека, обозначаются границы пространства возможностей для достижения совершенства, обсуждается возможный вклад в философское понимание человека. На основе проведённого анализа авторы приходят к выводу об отсутствии целостного философского понимания человека, адекватного современности.

Ключевые слова: природа человека, сущность человека, образ человека, совершенный человек, постчеловеческое будущее, платонизм, аристотелизм.

V. Khrisanov, V. Dolin*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin***IMAGES OF PERFECT MAN IN CONTEMPORARY PHILOSOPHY**

Abstract. The article deals with Christian, trans-humanistic, and bio-conservative images of a perfect man based on comparative analysis of Platonism and Aristotelism. For each image the authors suggest some core ideas on human nature limiting capabilities to achieve perfection and discuss possible contribution of each image to philosophical understanding of the human being. The authors conclude on unavailability of coherent philosophical understanding of a human being relevant to the contemporary world.

Key words: human nature, human essence, image of man, perfect man, posthuman future, Platonism, Aristotelism.

В истории философии понимание человека неотделимо от реалий и тенденций общественной жизни. По этой причине каждая эпоха характеризуется собственным пониманием природы человека. При этом тезис о её развитии формируется только в неклассический период (Ф. Ницше, К. Маркс, А. Гелен). На развитие природы человека значительное влияние оказывает динамика техносферы [1]. В настоящее время развитие нано-, био-, информационных и когнитивных (NBIC) технологий обусловило возникновение дискурса¹ «постчеловеческого будущего» [10; 21]. Несомненно, что взаимодействие человека и NBIC-технологий выявляет (выявит) новые измерения его природы, которые

© Хрисанов В.А., Долин В.А., 2015.

¹ Понятие «дискурс» в статье трактуется по М. Фуко, т. е. как двуединство теории и соответствующих ей практик.

требуют (потребуют) концептуально-го осмысления. В подобном контексте актуально изучение представлений о совершенном человеке как выражении потенциала человеческой природы [4; 12; 16; 22].

Данная статья посвящена рассмотрению трёх образов совершенного человека в современной философии: христианского, трансгуманистического и биоконсервативного. Названные образы продуктивно рассматривать в рамках исторического диалога платонизма и аристотелизма как наиболее авторитетных традиций в изучении человека.

Уточним понимание исходной терминологии. По степени преобразования природы человека возможно выделить два значения понятия «*постчеловек*» [3; 13]. В узком значении – это качественно новое состояние человека как результат радикальной трансформации его природы технологическими средствами, а в широком значении – это человек, который адаптируется к миру NBIC-технологий, но сохраняет собственную природу. Игнорирование двузначности понятия «постчеловек» формирует двусмысленность тезиса «мы уже постлюди».

В содержании понятия «*образ человека*» [9; 11; 19] как родового для понятия «образ совершенного человека» традиционно объединяются три элемента: 1) концептуальные представления о природе и сущности человека; 2) типы наличного бытия человека как отражение социальных практик, в которые он вовлечён; 3) антропотехники как способы совершенствования человека и развития его потенциальных возможностей в культуре.

Сформулируем собственное понимание выделенных содержательных

элементов понятия «образ человека». *Во-первых*, сущность и природа человека отождествляются в онтологическом аспекте и различаются – в гносеологическом, как понятия с пересекающимся содержанием. В понятии «природа человека» выделяются онтологические сферы (миры), к которым принадлежит человек, а в понятии «сущность человека» фиксируется либо наиболее важная из сфер (социальная или духовная), либо ограниченное количество – как правило, до пяти – важнейших характеристик его природы. Разграничение содержания двух понятий следует кантовскому противопоставлению их как сущего (понятие «природа человека») и должного (понятие «сущность человека»). *Во-вторых*, типы наличного бытия человека описывают его историческое или современное положение в социальном бытии [17]. *В-третьих*, описание антропотехники включает три элемента: образцы (идеалы), антиобразцы и примеры воплощения потенциальных возможностей человека. В этой связи правомерно говорить о пространстве возможностей, в котором осуществляется движение человека к совершенству. Его границы определяются образцами (идеалами) и антиобразцами, специфика которых формирует способности и траекторию движения в нём.

На основе проведённого анализа содержание понятия «*образ совершенного человека*» следует рассматривать как двуединство комплекса антропотехник и концептуальных представлений о природе и сущности человека. Типы наличного бытия не включаются в содержание данного понятия, поскольку являются ступенями в достижении состояния совершенного человека, т.е.

носят инструментально-вторичный характер.

В дискурсе «постчеловеческого будущего» рассматриваются три образа совершенного человека:

– христианский – образ человека, нацеленного на спасение собственной души (соответствует подлинному христианину);

– трансгуманистический – образ человека как переходного существа, радикально трансформирующего собственную природу технологическими средствами (соответствует постчеловеку в узком значении);

– биоконсервативный – образ человека как биосферно-космического существа, адаптирующегося к миру NBIC-технологий при сохранении собственной природы (соответствует постчеловеку в широком значении).

Раскрытие предмета статьи предполагает решение трёх задач: 1) рассмотреть в онтологическом аспекте концептуальные представления о природе и сущности человека дискурса «постчеловеческого будущего»; 2) охарактеризовать для каждого образа совершенного человека пространство возможностей достижения совершенства по схеме: границы пространства – способы движения – траектория движения; 3) обсудить возможный вклад каждого из образов в философское понимание человека, отвечающего вызовам современности.

Предваряя рассмотрение фундаментальных концептуальных представлений о природе и сущности человека (первая задача), уточним, что они тождественны в онтологическом аспекте. Для простоты изложения определимся, что объектом рассмотрения в данной части статьи будет природа человека.

В дискурсе «постчеловеческого будущего» структурно-функциональное понимание природы человека, характерное для классической философии, необходимо дополнить двумя характеристиками, соответствующими неклассическому стилю философствования. Первая – развитие природы человека, которая трансформируется в современной философии как вопрос о *возможности* её дальнейшего развития технологическими средствами. Вторая характеристика – оценка степени совершенства природы человека – восходит к тезису И. Канта о невозможности понимать человека исключительно в рамках теоретического разума, так как в этом случае игнорируется его волевая способность. Современная философия уточняет, что бытие человека некорректно понимать только как предметное, поскольку человек имеет и собственный способ существования. Как следствие второй характеристики, в современной философии ставится вопрос о *необходимости* усовершенствования природы человека технологическими средствами.

В дискурсе «постчеловеческого будущего» каждый образ совершенного человека фундирован собственным пониманием природы человека:

– в христианстве – совершенная закрытая разумная (невозможность дальнейшей эволюции человека технологическими средствами по причине совершенства его природы, заложенной Богом при сотворении, а также вследствие её развития как раскрытия изначально заложенного Богом потенциала) [5; 14];

– в трансгуманизме – несовершенная открытая разумная (дальнейшая эволюция природы человека не

только совместима с технологическими средствами её осуществления, но и необходима по причине человеческого несовершенства);

– в биоконсерватизме – совершенная закрытая телесно-разумная (закрытость природы человека для дальнейшей технологической эволюции объясняется её совершенством как результата эволюции *Homo sapiens*; постулируется достаточность традиционных социально-культурных средств развития природы человека).

Трансгуманизм и биоконсерватизм близки как натуралистические концепции, но противоположны в оценке степени совершенства человека и его перспектив. В терминологии В.В. Зеньковского их можно обозначить как пессимистический и оптимистический натурализм соответственно [7, с. 150].

Пространство возможностей достижения совершенства для каждого из образов совершенного человека (вторая задача) рассмотрим по схеме: границы пространства – способы движения – результат движения (освобождение и его характеристики). Границы пространства возможностей описывают положение человека в мире и относятся к онтологии, а способы и результат движения – к антропологии. Однако очевидно, что подобное разграничение носит логический характер, поскольку онтологически и праксиологически они едины. Во временном аспекте границы пространства возможностей относятся к прошлому (эволюционно-исторический аспект), настоящему (онтогенетический аспект) и будущему (прогнозируемый аспект). Также будет правомерно относить названные границы к различным социальным общностям, в ко-

торые входит человек, от семьи до человечества. Рассмотрим пространство возможностей достижения совершенства для каждого образа совершенного человека.

В христианстве границы пространства возможностей определяются схемой: сотворение – грехопадение – спасение, содержание которой раскрыто Каппадокийской школой восточного христианства. Бог сотворил человека по собственному образу и подобию, замышлив его «как сосуд, пригодный для царственной деятельности» [15, с. 34]. Образ Божий в человеке «... состоит в том, что усматривается в нас наилучшего...» [15, с. 93], в него входит «...представление всего прекрасного, всякая добродетель и мудрость...» [15, с. 79] (*курсив авт. – Г.Н.*). Иными словами, человек сотворён как духовное существо.

Согласно св. Афанасию Александрийскому [20, с. 62–84], в сотворении человека объединяются творение с «рождением» (усыновлением) в Святом Духе через Бога-Сына. В грехопадении данное единство распадается. На естество человека ложится печать первородного греха, которая разрушает его цельность, загрязняет и делает невидимым на нём лик Слова Божьего. Так автор описывает состояние современного человека. В спасении человек не просто возвращается в исходное состояние, но получает более ценный дар: «... благодать сообщается человечеству уже непреложно, делается неотъемлемой и постоянно пребывает у людей» [20, с. 71]. Иными словами, субъект спасения – человеческий род, а отдельный человек спасается как его часть [8].

Освобождение человека в христианстве понимается как спасение его

души, т.е. оно является духовным по результату и телесным по сопутствующему условию. Тело в христианстве не относится к сущности человека (платоновская традиция), но необходимо для спасения души, поскольку спасается целостный человек [2]. Индивидуальное спасение человека понимается как обожение, т.е. продвижение по пути духовного самосовершенствования, в результате которого дух Божий осваивается человеком и становится его неотъемлемой частью. В дальнейшем анализе христианские представления будут использованы в качестве образца для выводов по аналогии.

Трансгуманизм на основе синтеза представлений платонизма о разумной природе человека с аристотелистским пониманием эволюции как последовательности новообразований (эпигенез) обосновывает проект «бестелесного технологического спасения». Границы пространства возможностей в трансгуманизме – по аналогии с христианством – можно представить следующим образом: эволюционное возникновение человека – «оковы плоти» для разума – освобождение разума технологическими средствами. По мнению Д.И. Дубровского, в основе современного экологического кризиса лежат генетически обусловленные негативные свойства природы человека: «...неуёмное потребительство, агрессивность к себе подобным, чрезмерные эгоистические устремления» [6, с. 238]. «Будучи социальным существом, человек продолжает действовать как животное<...> В этой биологической программе заключено основное препятствие» [6, с. 242] (*курсив авт. – Д.Д.*). Путь «кибернетического бессмертия» [6, с. 248] рассматривается

как «стратегическое преимущество», гарантирующее сохранение и дальнейшее развитие человеческого разума в ситуации угрозы уничтожения биологической жизни [6, с. 244].

В биоконсерватизме объединяются характерный для платонизма интерес к духовному компоненту природы человека с аристотелевским пониманием дихотомии «тело – душа», результатом которого выступает проект «телесного коэволюционно-биосферного спасения». Аналогично христианству, пространство возможностей достижения совершенства соответствует схеме: эволюционное возникновение человека – отчуждение человека от природы («экологическое грехопадение») – коэволюция человека и биосферы [10].

Перейдём к рассмотрению возможного вклада каждого из образов в философское понимание человека, отвечающего вызовам современности (третья задача). По М. Шелеру, полнота описания человека в истории европейской философии определяется тремя образами: религиозный иудео-христианский, философский греко-античный и естественнонаучный [23]. Названное деление актуально и для современной философии.

В дискурсе «постчеловеческого будущего» христианский образ совершенного человека соответствует религиозной традиции с преобладанием платонизма в понимании человека, а трансгуманистический и биоконсервативный – естественнонаучной с доминированием идей аристотелизма. В итоге получается, что на вакантную роль «метафизики человека» в современной философии, помимо авторитетной религиозной традиции, претендуют трансгуманизм и биокон-

серватизм. «Метафизика» понимается в данном контексте как синоним теоретической философии, а не выражение трансцендентной направленности концептуальных построений.

Отсутствие в дискурсе «постчеловеческого будущего» образа совершенного человека, соответствующего философской (метафизической) традиции, позволяет предположить, что «метафизика человека», адекватной дискурсу «постчеловеческого будущего», в настоящее время не существует. Полученный вывод является неожиданным в контексте существования различных вариантов интерпретации антропологической проблематики в современной философии (С.С. Хоружий, Ф.И. Гиренок, М.Н. Эпштейн, Г.Л. Тульчинский, В.В. Бибихин, И.П. Смирнов, О.И. Генисаретский и др.) [18, с. 195–270]. Однако данный вывод вполне закономерен при учёте двух особенностей их концептуальных построений: 1) большинство находится вне дискурса «постчеловеческого будущего» (как правило, по причине более раннего формирования их концепций), либо 2) позиционируют себя в качестве сторонников идеологически ангажированного трансгуманизма с его формулой «прогресс не остановить» (М.Н. Эпштейн, Г.Л. Тульчинский, а также не вошедший в обзор А.П. Назаретян). Кроме того, последовательная интерпретация проблемы человека в русле христианского платонизма (С.С. Хоружий) при недвумчивом рассмотрении или ассоциативно-художественной интерпретации открывает возможность для её радикально-трансгуманистического прочтения, ведь информационно-бестелесная концепция человека в транс-

гуманизме также имеет платоновские основания.

Для выявления возможного вклада трёх образов совершенного человека в обновлённую философскую концепцию человека проанализируем их антропологические основания (за исключением представлений о природе человека, рассмотренных ранее).

Христианский образ совершенного человека носит духовный характер, что затрудняет его адаптацию к технократической составляющей дискурса «постчеловеческого будущего». О гуманистической составляющей названного дискурса говорят реже. В свою очередь, апологеты трансгуманизма отождествляют «постчеловеческое будущее» преимущественно с его технократической составляющей.

Трансгуманистический и биоконсервативный образы совершенного человека, помимо соответствия натуралистической традиции, являются сциентистскими и позитивистскими. Трансгуманистический тезис о разумном характере образа совершенного человека формально не противоречит духовному пониманию человека в христианстве. Но сциентистско-позитивистские основания трансгуманизма объективно ограничивают возможность подобного сближения концептуальных позиций или даже делают его невозможным из-за внутренних противоречий.

В биоконсерватизме сциентистско-позитивистское понимание человека смягчается влиянием трёх содержательных элементов: 1) учения о человеке в ноосферной концепции В.И. Вернадского; 2) фейербаховского понимания сущности человека как триединства разума (мышления),

чувств (сердца) и воли; 3) оптимистической установки в отношении человека. Суммарное влияние трёх элементов позволяет претендовать биоконсерватизму на «новый исторический синтез» религии и философии для противостояния «экспансии технонауки» [10, с. 130], основанной на дегуманизованном научно-техническом творчестве.

Таким образом, каждый из трёх образов совершенного человека может внести определённый вклад в обновлённую философскую концепцию человека. Вполне закономерно предположить, что потенциальный вклад представлений о совершенном человеке биоконсерватизма и христианства будет более значительным, чем аналогичных представлений трансгуманизма как радикально-технократической версии пессимистического натурализма.

Подведём итоги. На основе учёта четырёх характеристик (структура – функционирование – развитие – оценка степени совершенства) для каждого образа совершенного человека выделено лежащее в его основе представление о природе человека: совершенная закрытая разумная (христианство); несовершенная открытая разумная (трансгуманизм); совершенная закрытая телесно-разумная (биоконсерватизм).

Каждый из образов человека предлагает собственный вариант понимания границ пространства возможностей для достижения совершенства. Соответственно, по-разному понимается и итоговый результат, т.е. освобождение человека от ограничений предшествующей стадии развития (эволюции):

– в христианстве: сотворение – грехопадение – спасение души (духовное по результату и телесное по сопутствующему условию);

– в трансгуманизме: эволюционное возникновение человека – «оковы плоти» для разума – освобождение разума технологическими средствами («бестелесное технологическое спасение»);

– в биоконсерватизме: эволюционное возникновение человека – отчуждение человека от природы («экологическое грехопадение») – коэволюция человека и биосферы («телесное коэволюционно-биосферное спасение»).

Кроме того, каждый из образов совершенного человека содержит концептуальные представления, потенциально востребованные в рамках будущей философской концепции человека. Их поиск уже ведётся в современной литературе [11; 18], но говорить о целостной концепции человека, адекватной дискурсу «постчеловеческого будущего», преждевременно.

Размышляя о перспективах исследования, можно высказать следующее предположение: платонизм и аристотелизм потенциально продуктивны в качестве концептуальной основы рассмотрения трёх основных традиций понимания человека: религиозной, философской (метафизической) и естественнонаучной. Ставить вопрос о сближении или синтезе трёх названных традиций непродуктивно по причине принципиального различия в правилах дискурсивности и критериях рациональности. Неудача шелеровского проекта философской антропологии – явное подтверждение последнего тезиса. Вместе с тем, об-

новленная философская (метафизическая) концепция человека, концептуально и прагматически адекватная вызовам современности, невозможна без интеграции содержательных элементов христианского, трансгуманистического и биоконсервативного образов человека. А поскольку христианское понимание человека относится к религиозной традиции, а трансгуманистическое и биоконсервативное – к естественнонаучной, поиск и обоснование новых содержательных элементов «метафизики человека» будут продолжены.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бережная И.Н., Глухова А.С., Коптева С.В. Техносфера как среда выживания современного человека // Экономика. Общество. Человек: межвузовский сборник научных трудов. Белгород: Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, 2010. С. 42–47.
2. Бондарева Я.В., Фурсова В.Э. Идея синергии как основа антропологии целостности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 2. С. 63–69.
3. Виноградова И.Б. Проблема совершенствования человека и её современные модификации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 5. С. 19–22.
4. Виноградова И.Б. Образ совершенного человека в античной философии // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 3 (15). С. 98–101.
5. Гришаева Е.И. Понятия «природа» и «ипостась» в работах Владимира Лосского и творениях отцов каппадокийцев // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. Т. 88. № 1. С. 149–157.
6. Дубровский Д.И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. Д.И. Дубровского. М.: Изд-во МБА, 2013. С. 237–252.
7. Зеньковский В.В. Об образе Божиим в человеке // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 147–161.
8. Колесников С.А. Андрей Белый: философия спасения личности: монография. Белгород: ИПК НИУ БелГУ, 2011. 264 с.
9. Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. М.: ИФ РАН, 1999. 189 с.
10. Кутырев В.А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2009. 496 с.
11. Марков Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 23–33.
12. Меликян М.А. Философские версии совершенного человека: концептуалистский подход // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 309–312.
13. Моторина Л.Е. Исторические основания и смысловые границы понятия «постчеловек» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2010. № 3. С. 5–10.
14. Неганов В.В. Антропологическая проблематика в творениях философов Каппадокийской школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 2. С. 52–58.
15. Нисский Григорий. Трактат об устройении человека // О человеке: Сборник трактатов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 23–142.
16. Остапенко М.А. Образ совершенного человека в православной антропологии: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2002. 159 с.
17. Разин А.А. Человековедение как практическая философия, или учение о

- становлении человека: монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 562 с.
18. Смирнов С.А. Чертов мост. Введение в антропологию перехода. Новосибирск: ОФСЕТ, 2010. 492 с.
19. Сощенко И.Г. Образ человека в социокультурном пространстве информационного общества: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2007. 157 с.
20. Флоровский Г.С. Восточные отцы Церкви. М.: АСТ, 2005. 633 с.
21. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, ЛЮКС, 2004. 349 с.
22. Шевченко Н.И., Емельянов И.Ю. Философия духовности в онтологии культуры. Белгород: Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, 2011. 178 с.
23. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы / Общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.